

САМОСОЗНАНИЕ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ

В. В. Тхор

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.1.9815

БРИТАНСКАЯ МУСУЛЬМАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Аннотация. Процессы формирования единой европейской общности породили дискурс о европейской идентичности, который не может не учитывать вопрос самоидентификации динамичной и быстро возрастающей мусульманской общины на Западе и в Великобритании, в частности. Наиболее острые дискуссии, касающиеся, в том числе и перспектив мультикультурализма, развернулись вокруг применения мусульманами в Европе своих религиозных норм и обычаев. Вопрос о религиозном и правовом самосознании британских мусульман вошел в публичное поле и стал одним из ключевых для политического дискурса многих европейских стран. В общеевропейском культурном поле нашлось место для появления мусульманских органов разбирательства споров — традиционных (религиозных), а не строго юридических институтов. Европейские мусульмане, находящие в подобном «юридическом плюрализме» возможность сохранить свою веру, культуру, ценности, с одной стороны, выпадают из контекста европейской, в основном секулярной, идентичности, а с другой — гармонично сосуществуют с ней.

Ключевые слова: культура, религия, идентичность, глобализация, мусульманское право, европейские мусульмане, евроислам, секуляризм, мультикультурализм, самосознание.

Происходящие в Европе процессы порождают дискуссии о кризисе традиционных или национальных идентичностей, связанном как с политико-экономической трансформацией, так и более сложными последствиями глобализации, затрагивающими духовную и культурную жизнь европейцев. Как отмечает академик РАН А. А. Гусейнов: «В современном мире идут два по видимости разнонаправленных процесса: экономика (финансы), средства связи, отчасти политика, становятся глобальными, «космополитичными», а в культуре, духовной жизни возрастают тенденции к изоляции, противостоянию»¹. Сложный процесс формирования общеевропейской идентичности на фоне ослабления «иден-

тичностей западных государств»², дополняется проблемой самоидентификации европейских мусульман. Возрастающее присутствие в общеевропейском культурном и политико-правовом пространстве инокультурных меньшинств, подавляющее большинство которых составляют выходцы из мусульманских стран, «вступает в противоречие с целями формирования европейской идентичности»³.

² Мчедлов М. П. К постановке проблемы, условия её объективного анализа // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 11.

³ Вайнштейн Г. И. Идентичность инокультурных меньшинств как фактор современной европейской политики // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийского научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). М., 2011. С. 112.

¹ Гусейнов А. А. Возможно ли глобальное общество без глобального этоса? // Гуманитарная культура как фактор преобразования России. СПб.: ГПУ, 1998.

Мусульманские общины в условиях иммиграции всё отчетливее выражают своё религиозное самосознание. Религия ислам приобретает в Европе публичный характер и требует общественного признания — включения в общественные и социальные институты, становится частью современного европейского общества. Изменение национально-этнической и религиозной структуры Европы ведёт к серьёзной культурной трансформации. М. Т. Степанянц замечает: «В иерархии факторов самоидентификации особо значима этническая принадлежность... В то же время этническая идентичность в значительной мере определяется вероисповеданием, рассматриваемым в качестве важнейшей компоненты культуры в целом»¹.

В среде европейских мусульман идёт сложный и необратимый процесс переосмысления не только роли ислама, но и актуальности традиционных мусульманских норм права, составляющих единое целое с религией ислам. В результате противостояния ислама и секуляризма происходит постепенное формирование новых форм регулирования сложных социокультурных процессов в Европе. Настоящая статья представляет собой попытку разобраться в некоторых ключевых вопросах самоидентификации мусульман, живущих в Великобритании², затрагивающих как аспекты культуры, так и мусульманской религиозно-правовой традиции.

К началу XXI века Великобритания, как и другие европейские государства, столкнулась с новыми внутривнутриполитическими проблемами из-за роста мусульманской диаспоры в стране. Ислам является второй религией по количеству верующих в Великобритании. По некоторым смелым прогнозам уже через пятьдесят лет количество британцев, исповедующих ислам, будет превышать численность исповедующих другие

религии, в том числе последователей англиканской церкви³.

Мусульманская община Великобритании насчитывает 2, 869 миллиона чел. (в 2010 г.)⁴, что составляет 4,6% всего населения и является третьей по величине мусульманской общиной на континенте после Германии (4,119,000) и Франции (3,574,000)⁵. Она является наиболее динамично развивающимся и политически активным социальным сегментом современного британского общества и объединяет в основном выходцев из стран Южной Азии (большая часть из Пакистана и Бангладеш) и Северной Африки⁶. При этом подавляющее большинство британских мусульман составляют сунниты (87%), к шиитам относят себя лишь 7% от их общего числа⁷. Ислам в Великобритании является неоднородным феноменом, а мусульманская община разделена по этническому происхождению, принадлежности к различным религиозным школам и традициям.

Помимо этого на британскую мусульманскую общину влияют процессы осмысления роли ислама в Европе современными мусульманскими учёными, которых условно можно разделить на традиционалистов и модернистов. Среди теоретиков «евроислама», живущих на Западе,

³ Abbas T. British South Asian Muslims: before and after September 11 // Muslim Britain: Communities under Pressure. Edited by Abbas T. London, 2005. P. 17.

⁴ A 2010 Pew Forum report, «Mapping the Global Muslim Population» // <http://features.pewforum.org/muslim/number-of-muslims-in-western-europe.html>.

⁵ В 2001 г. она насчитывала по официальным данным 1,6 миллиона человек, в 2004 г. — 1,870 миллиона, в 2008 г. — порядка 2,422 миллиона. См.: Abbas T. British South Asian Muslims: before and after September 11 // Muslim Britain: Communities under Pressure. Edited by Abbas T. London, 2005. P. 4; Zebiri K. British Muslim converts: choosing alternative lives. Oxford: Oneworld publication, 2008. P. 19; The Government's Labour Force Survey (LFS) // Field C. How Many Muslims? September 21, 2010 (<http://www.brin.ac.uk/news/2010/how-many-muslims/>).

⁶ Согласно социально-экономическим показателям, британские мусульмане, особенно пакистанцы и бангладешцы, являются одними из самых наиболее неимущих социальных групп в Великобритании, что ещё больше обостряет социальную напряженность в отношениях между мусульманами и принимающим обществом.

⁷ Abbas T. British South Asian Muslims: before and after September 11 // Muslim Britain: Communities under Pressure. Edited by Abbas T. London, 2005. P. 4.

следует упомянуть Т. Рамадана, М. Аркуна и А. Ахмеда. Итог развития этого процесса до сих пор находится под вопросом.

По Дж. Клаусену, в последнее время термин «евроислам» в основном используется для описания «теологического проекта исламского обновления» и является «индикатором мусульманской ассимиляции к европейскому стилю жизни»¹. Некоторые мусульмане описывают «евроислам» как цель и открытый диалог самореализации «умеренной формы ислама» и поддерживают идеи Тарика Рамадана — известного пропагандиста исламского обновления, родившегося в Швейцарии, призывающего европейских мусульман в своих «пяти принципах» «быть мусульманами и западными людьми одновременно и в полной мере»².

Призывы к адаптации исламской теологии отражают социокультурные реалии Европы. При этом среди британских мусульманских интеллектуалов среднего класса сегодня наблюдаются тенденции аналогичные исламскому модернизму середины XIX века, попытка представить исламскую культуру как культуру, заслуживающую уважения европейцев³. Одним из основных представителей этой тенденции является пакистанский ученый и дипломат А. Ахмед. В своих работах он попытался представить ислам интеллектуально и политически близким к британским реалиям.

Религиозный традиционализм (или неоортодоксальность) не конфликтует с либеральными европейскими ценностями. Неоортодоксы не призывают к превращению Европы в халифат, но настаивают на праве существования религиозного меньшинства и праве жить в соответствии

со своей культурной и религиозной традицией. Никто из них, даже радикально настроенные имамы, не призывает к насильственному введению мусульманских норм, в том числе правовых. В целом они отрицают как попытки «вестернизировать» ислам, так и радикализировать его. Можно сказать, что многие мусульманские лидеры в Европе скорее занимают центристскую позицию, что вполне объяснимо. Чересчур консервативные взгляды вряд ли приживутся на европейской почве, а излишний либерализм может быть подвергнут критике за отказ от традиционных ценностей.

Британская мусульманская община находится в процессе адаптации своих культурных ценностей, норм и традиций также и к новой для них политической реальности, что приводит к формированию новых аспектов идентичности. Появление в Великобритании британских граждан с «мусульманской идентичностью» (*British Muslim identity*) в свою очередь сильно влияет на процесс формирования новой британской «мультикультурной идентичности», отличной от предшествующего периода колониального владычества. Появление такого феномена как «британская мусульманская идентичность» привело также к большому диссонансу в британской политической культуре, так как с гражданством, с причислением себя к британской нации связана, в том числе политическая идентичность.

Демографический подъём в европейских иммигрантских общинах на фоне падения уровня рождаемости среди коренного населения большинства европейских стран в обозримом будущем неминуемо приведёт к такой электоральной ситуации, когда от волеизъявления этой части граждан будет зависеть формирование выборных институтов политической власти. Очевидно, что будут востребованы выразители интересов и мусульманской общины, в среде которой уже формируется своя собственная элита. И от того какую позицию будут занимать мусульманские лидеры в конечном итоге будет зависеть и дальнейшее политическое, культурное и духовное развитие Европы. Однако здесь важно учитывать и то, в какую форму религиозного самовыражения мусульман трансформируется «евроислам», какое из его направлений будет представлять мусульманская элита, допущенная к рычагам политического управления.

М. Т. Степанянц обращает внимание на то, что в исламе идея тождественности религии

¹ Klausen J. The Islamic challenge: politics and religion in Western Europe. New York: Oxford University Press, 2007. P. 97–98.

² Согласно Т. Рамадану, у европейских мусульман есть историческая возможность развить «более чистую версию ислама», свободную от этнических практик и различий в религиозной практике в мусульманском мире. Его идеи особенно вдохновляют многих молодых и рожденных в Европе мусульман, несмотря на большое число критиков, в том числе и среди мусульман, которые не согласны с необходимостью новой теологии. См.: Klausen J. The Islamic challenge: politics and religion in Western Europe. New York: Oxford University Press, 2007. P. 98.

³ Rex J. Islam in the United Kingdom//Islam, Europe's second religion: the new social, cultural and political landscape. Edited by Hunter S. T. Washington: Praeger publishers, 2002. P. 55.

и государства заложена изначально, а потому фундаментальна¹. В этой связи понятна обеспокоенность британской элиты появлением мусульманской «религиозной идентичности» в политической плоскости мультикультурного общества, одним из основных постулатов которого на Западе является то, что религия относится к частной жизни и не может рассматриваться легитимной базой для политической идентичности религиозных меньшинств. Согласно последним исследованиям, чувство религиозной идентичности у британских мусульман особенно сильно (по сравнению, например, с мусульманами в Испании, Германии и Франции). Так, восемь из десяти опрошенных (81%) заявили, что они воспринимают себя в первую очередь мусульманами, нежели британцами².

Беспокойство по поводу снижения религиозности и влияния современной культуры также выше в два раза у британских мусульман, нежели у мусульман, проживающих в континентальной Европе. При этом они демонстрируют уважение к религиозным верованиям других групп населения 71% британских мусульман высказывается за положительное восприятие христиан³.

После терактов 2001 г. и 2005 г. года возник вопрос об ускоренной интеграции британских мусульман, на повестке дня появился целый блок актуальных вопросов социального, культурного, политического характера. Великобритания, обладая опытом колониального управления, особенно активно пытается выработать компромиссные решения и политико-правовые механизмы интеграции иммигрантской мусульманской общины. Следует констатировать, что из-за ряда ошибок некоторые западные СМИ и политики стали причастны к некорректному увязыванию термина «мусульманская идентичность» с экстремизмом. В результате гораздо большее число мусульман

стало с гордостью выражать свою принадлежность к исламу из чувства противостояния исламофобии, окружившей мусульманскую идентичность в последние годы.

Представители мусульманской общины, защищая свои традиционные ценности, всё более часто утверждают себя частью этой группы, а не отстраняются от неё. При этом, как указывает В. С. Малахов, «коллективную идентичность» не стоит смешивать с «концептом «социального Я». Нельзя этого делать по той же причине, по какой общество нельзя мыслить по аналогии с личностью⁴.

Современные проблемы интеграции мусульманской общины Великобритании определены во многом последствиями государственной иммиграционной политики второй половины XX в., которая изначально заключалась в «невмешательстве», что впоследствии предполагало полную ассимиляцию выходцев из Южной Азии. Лишь ближе к 1980-м годам лейбористское правительство оформило идею «поэтапной ассимиляции» в новую «политику интеграции», нацеленную на создание интегрированного общества, культурно разнообразного с равными возможностями для всех. Озвученная идея стала основой для появления в 1980-х гг. политики «мультикультурализма». «Мультикультурализм есть исповедуемая властями той или иной страны доктрина единства в многообразии», ставящая своей целью «гармонизацию взаимодействия между различными этническим и расовыми составляющими государства на основе общих ценностей при сохранении культурной автономии общин»⁵.

В начале 2000-х гг. идея мультикультурализма опять активизировалась во многом под влиянием американской и канадской политической мысли (Дж. С. Милль, Дж. Роулз, Дж. Раз, У. Кимлика). В результате понятия «групповые идентичности» и «групповые права» вошли в британский политический лексикон гораздо быстрее, чем в континентальной Европе. Как указывает видный теоретик мультикультурализма У. Кимлика, в британском контексте «умеренного мультикультурализма» граждан просвещают

¹ Степанянц М. Т. Этноконфессиональные процессы в современной России: ислам // Неприкосновенный запас. 2002. № 6 (26). (<http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/mariett.html>).

² Allen J. T., Wike R. How Europe and its Muslim populations see each other // Sinno A. H. Muslims in Western Politics. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 2009. P. 155.

³ Allen J. T., Wike R. How Europe and its Muslim populations see each other // Sinno A. H. Muslims in Western Politics. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 2009. P. 155, 156.

⁴ Цит. по: Малахов В. С. Неудобства с идентичностью (<http://intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm>).

⁵ Тишков В. А., Шабаев Ю. Б. Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 242–245.

о различных легитимных способах «как быть британцем», который при этом может сохранять свою религиозную идентичность — то есть речь идет о «пан-этнической политической идентичности»¹.

Второе поколение иммигрантов, родившееся в 70-е гг. в Великобритании, вопреки прогнозам об их «поэтапной ассимиляции» с британским обществом, не только перестало прятать свои религиозные и культурные традиции внутри общины, но и начало активную кампанию по защите своих прав, столкнувшись с проблемой «двойной самоидентификации»². На повестку дня вышла продиктованная жизнью необходимость адаптации своих традиций и ценностей к британским условиям жизни. Возникла необходимость соединить своё мусульманское самосознание со статусом британского подданного.

Однако религиозный аспект длительное время практически был исключен из общественной дискуссии, все внимание было переведено на расовые и этнические вопросы. Мусульмане как общественная группа оказались не охвачены и рамками «Закона о межрасовых отношениях» (1976 г.), в отличие, например, от евреев и сикхов, которые в соответствии с этим законом были официально признаны как этнические меньшинства³.

Остаётся вопросом, когда именно стала формироваться идентификация большей части мусульманского населения. Однако в результате ситуации, сложившейся в британском обществе в 1988–89 гг. вокруг публикации стихов С. Рушди, британские мусульмане почувствовали себя общественной группой, готовой к мобилизации и активной позиции. Многие мусульмане открыли для себя новую общинную солидарность. Всем стало очевидно, что мусульмане в британском обществе политически наиболее противостоят не христианам, а секулярной, ли-

беральной интеллигенции⁴. Практически сразу после этих событий в течение очень короткого периода понятие «мусульманин» в британском обществе стало ключевой узнаваемой политической идентичностью меньшинства. Таким образом, общество не только признало новое религиозное многообразие в Великобритании, но и новое социальное и политическое значение религии.

В отличие от мусульман континентальной Европы, большая часть современных британских мусульман рождена в Великобритании и являются её полноправными подданными. В своей монографии «Мультикультурное гражданство. Либеральные теории прав меньшинств» У. Кимлика пишет: «Большинство либеральных теорий признаёт, что гражданство — это не только легальный статус, определяющий предоставление прав и обязанностей, но также идентичность, выражение некоего членства в политическом сообществе»⁵. В связи с появлением политически активного третьего поколения британских мусульман особенно остро встал вопрос об их самоидентификации.

В Великобритании появилось поколение мусульман, прошедших через систему европейского образования, которое имеет опыт взаимодействия с остальным обществом и сознательно стремится к познанию ислама для сохранения его значимости для себя и будущих поколений. Последние исследования демонстрируют, что 83% британских мусульман гордятся своим британским подданством, 77% британских мусульман соотносят себя с Великобританией, а 86,4% британских мусульман считают себя родом из Великобритании⁶. То есть британские мусульмане чувствуют себя больше «британцами», нежели иностранцами. Все эти цифры, вопреки сложившемуся общественному мнению, свидетельствуют о том, что британская мусульманская

¹ Kymlicka W. Multicultural odysseys. Navigating the New International politics of diversity. New York: Oxford University Press, 2007. P. 584.

² Multiculturalism, Muslims and citizenship: a European approach. Edited by Modood T., Triandafyllidou A. and Zapata-Barrero R. London, New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2006.

³ Choudhury T. Comparative perspectives on discrimination law // Islam in the European Union. Transnationalism, Youth and the War on Terror. Edited by Samad Y. and Sen K. Oxford, New York: Oxford University Press, 2007. P. 187.

⁴ Modood T. Muslims, religious equality and secularism // Levey G. B., Modood T. Secularism, religion and multicultural citizenship. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 174.

⁵ Kymlicka W. Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority rights. Oxford, 1995. P. 192; Тишков В. А., Шабаев Ю. Б. Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 156.

⁶ Moosavi L. Muslims are well-integrated in Britain — but no one seems to believe it. 3 July 2012 (<http://www.guardian.co.uk/commentisfree/belief/2012/jul/03/muslims-integrated-britain/>).

община находится в процессе интенсивной интеграции. Однако сохраняющаяся в британском обществе ксенофобия (47% британцев считает мусульман угрозой)¹ способствуют частичной маргинализации британских мусульман. Тем не менее, они желают быть частью общества и вносить свой вклад в его развитие.

Именно из них формируются лидеры мусульманских групп и организаций следующего поколения, выражающих всё более отчетливо исламские приоритеты, уместные в европейских условиях. По-прежнему британские мусульмане составляют группу «аутсайдеров» в политике и не представлены в политической элите, несмотря на всё возрастающие электоральные запросы. При этом Великобритания, по сравнению с другими европейскими странами, является уникальным примером возможностей для участия в политическом процессе представителей этнических меньшинств.

Исламская идентичность, как и любая другая, не статичное явление и подвержена изменениям. При этом статус религиозного меньшинства способствует актуализации религиозности². Исламская идентичность британских мусульман реализуется в поликонфессиональном социуме, поэтому третье поколение мусульман уже привыкло ощущать себя частью сложного мира с множеством идентификационных и культурных образцов³.

Одним из ярких примеров сложных отношений между британскими мусульманами и остальным обществом стала проблема функционирования мусульманских органов альтернативного разбирательства гражданских споров, или как их ещё называют в СМИ «шариатских судов». Полемика по этому поводу

остро разразилась после того, как влиятельные фигуры в лице Архиепископа Кентерберийского доктора Р. Уильямса и председателя Отделения королевской скамьи Высокого суда лорда Филиппа публично выразили своё отношение к проблеме «шариатских судов». Архиепископ Кентерберийский высказал своё мнение о «неизбежности» увеличения значения «шариатских судов», а лорд Филипп подчеркнул, что «не видит причин, препятствующих признанию решений «шариатских судов» английскими судами»⁴.

Распространённое утверждение, что мусульмане желают насадить обязательное религиозное право для всех, по мнению ряда исследователей, является «абсурдом»⁵. В Европе не существует шариатских судов таких, как в исламском мире. Однако имеется большое число экспертов, разъясняющих мусульманам, которые следуют шариату, проблемы с которыми они сталкиваются в секулярном обществе. При этом немногочисленные мусульманские органы разбирательства споров находятся в жесткой конкурентной борьбе за внимание европейских мусульман⁶. Последние могут применять в Англии нормы мусульманского права, но в рамках общих правовых принципов, регулируемых Законом об арбитраже 1996 г.⁷, позволяющем выносить частные споры на независимый арбитраж.

В 2006 г. британское правительство, в контексте пересмотра всего спектра отношений с мусульманской общиной, фактически негласно было вынуждено одобрить в числе прочего и концепцию «*soft sharia*» («нестромого шариата»), правда с оговорками по области применения (семейное право)⁸. То есть на деле впервые возникло осознание наличия в стране мусульманских органов альтернативного разбирательства гражданских споров, имеющих перспективу рас-

¹ См.: там же.

² Так дискуссии в средствах массовой информации о сущности ислама, его совместимости с демократическими системами, о его «воинствующем характере» неизбежно ведут к усилению самоидентификации в мусульманской среде. Михалева А. В. Региональное измерение исламской идентичности в Пермском крае // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийского научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). М., 2011. С. 254.

³ Тем более, что «социальные практики предшествующих поколений не вполне отвечают современным профессиональным и религиозным требованиям, а потому верующие вырабатывают свои стратегии преодоления вызова, в том числе за счет сокращения религиозной обрядности». См.: там же.

⁴ Gledhill R., Webster Ph. Archbishop of Canterbury argues for Islamic law in Britain // The Times Online. (<http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/faith/article3328024.ece/>).

⁵ Klausen J. The Islamic challenge: politics and religion in Western Europe. New York: Oxford University Press, 2007. P. 189.

⁶ В том числе находящийся в Дублине Европейский Совет по фетвам и исследованиям (European Council for Fatwa and Research).

⁷ Arbitration Act 1996. (http://www.opsi.gov.uk/acts/acts1996/ukpga_19960023_en_1/).

⁸ Islam and «the deep, deep sleep of England» (<http://archbishop-cranmer.blogspot.com/2006/11/islam-and-deep-deep-sleep-of-england.html/>).— 20.11.2006).

пространения. Назрела необходимость создания предпосылок управления данным процессом с учётом последующей адаптации к британским условиям и законодательству (без изменения принципов английского права). При этом министр юстиции Джек Стро, в контексте полемики, разразившейся в октябре 2008 г., резюмировал, что «шариатские принципы всегда будут подчиняться английскому праву. Несмотря на то, что подобные органы могут использоваться для разрешения диспутов, английское право останется верховным»¹.

В целом, как отмечают авторитетные арабские и отечественные ученые-компаративисты, «между позитивным правом, основанным на европейских образцах, и большинством исламских правовых принципов нет непреодолимых противоречий»². Как пишет Л. Р. Сюкияйнен, «общие начала и преобладающая часть конкретных норм исламского права сходны с фундаментальными идеями и частными положениями других правовых систем, прежде всего европейских»³.

Всё же система мусульманского права отличается от других правовых систем своеобразием, неповторимостью источников, структуры, терминов, конструкций⁴. Если континентальные европейские юристы под нормой права подразумевают предписание конкретного исторического законодателя, то исламские правоведы под ней понимают правила, адресованные мусульманской общине Всевышним. В основе содержания нормы мусульманского права лежит, прежде всего, долг, обязанность совершить те или иные поступки. Как конфессиональное право шариат отличается от канонического права в странах Европы в том отношении, что он регулирует

не строго очерченные сферы общественной и религиозной жизни, а выступает в качестве всеохватывающей и всеобъемлющей системы.

Формы альтернативного разбирательства споров на основе положений мусульманского права в виде т.н. «шариатских советов» (*«sharia councils»*), существовали в Великобритании с начала 80-х гг. прошлого века. Они помогали на основе примирительной процедуры разрешать некоторые споры без обращения в суд, что в принципе согласуется с английской правовой доктриной, предусматривающей такой вид досудебного разбирательства как медиация. Первоначально в их компетенцию входило разрешение религиозных бракоразводных споров и наследственных дел⁵. Возникновение «шариатских советов» выявило с одной стороны потребность британской мусульманской общины в таких специфических видах разбирательств, а с другой — неготовность английской системы прецедентного права рассматривать их в судебном порядке.

В 2007 г. в Великобритании начал работать Мусульманский арбитражный трибунал (MAT) через систему первых пяти официальных мусульманских органов арбитража⁶. Правила MAT подтверждают, что дела рассматриваются на добровольной основе и обе стороны дают формальное согласие на применение норм мусульманского права. Конечная цель обращения в MAT — достижение мирового соглашения. Каким образом стороны придут к нему в конечном счёте не важно. Однако, после появления Мусульманского арбитражного трибунала в британском обществе начались острые дискуссии по поводу функционирования «параллельной юридической системы», хотя на самом деле речь идёт скорее о религиозном и культурном аспектах особых форм урегулирования взаимоотношений между людьми.

По мнению противников широкого распространения мусульманских органов разбирательства гражданских споров, их существование может привести к ещё большему расколу британского общества. Причем этой точки зрения придерживается и, вопреки ожиданиям, значительная часть британской

¹ Gibb F. Change would help to expose unjust rulings // *The Times*. 21.07.2009. P. 17.

² Сюкияйнен Л. Р. Взаимодействие исламской и европейской правовых культур: современный опыт // *Ежегодник либерально-юридической теории*. 2009. № 2. С. 171–188.

³ Там же.

⁴ Структура мусульманского права имеет существенные особенности, вытекающие из его природы. Оно не подразделяется на общее и частное право, как в романо-германской системе, или на общее право и право справедливости, как в странах англосаксонской семьи. Здесь существуют иные принципы интеграции, связи норм, их структурного объединения. Именно поэтому в мусульманском праве отсутствует в европейском понимании структурированность и точность. См. подробнее: Крымский А. Е. *История мусульманства*. М., 2003. С. 252.

⁵ Первый так называемый «шариатский совет» начал функционировать в 1982 в г. Бирмингеме, а затем подобные «советы» появились в Лейтоне (район Лондона), г. Манчестере, г. Роттерхаме и г. Бедфорде.

⁶ См. сайт MAT (<http://www.matribunal.com/>).

мусульманской общины. Все осознают, что в обществе должна действовать одна общепризнанная система права и все должны быть равны перед ней.

В 2009 г. английский политологический центр CIVITAS опубликовал по этому вопросу критическое исследование: обвинение мусульманской системы права в радикализме, нарушении прав женщин, прямом противоречии английской и в целом европейской системе права (в особенности в сфере защиты прав человека)¹. Следует отметить, что подобные дебаты об этичности или неэтичности мусульманских правовых традиций выходят на уровень рассуждения о системе ценностей в разных культурах и обществах вообще.

Функционирование конфессиональных органов разбирательства споров, обслуживающих потребности тех слоев мусульманской общины Великобритании, которые в них нуждаются, может помочь им не только реализовать свои права, но и сохранить свою культурную и религиозную идентичность. Так или иначе, традиции ислама сталкиваются с секулярными тенденциями в современной Европе². К тому же споры, апеллирующие к религиозной традиции, зачастую невозможно выносить на рассмотрение в государственные судебные инстанции.

Согласно исследованию Л. Эшфорд, существует несколько основных причин, почему мусульмане обращаются за помощью в «шариатские советы», а не в государственные суды³. Во-первых, в глазах мусульман, их споры, с одной стороны, разрешаются в соответствии с волей Всевышнего, а с другой, признаются государством. Во-вторых, обращение к их помощи для мусульман менее

пугающе, чем обращение в государственный суд. Многие мусульмане испытывают боязнь перед государственным судьёй, считая, что он может подвергнуть их дискриминации в суде.

По мнению Л. Р. Сюкияйнена, «вопреки распространённому мнению, европейская и исламская правовые культуры не только сталкиваются и соперничают, но и позитивно взаимодействуют, в состоянии дополнять друг друга»⁴. Чуждые Европе правовые концепции могут эффективно существовать в качестве обычного права, которому не обязательно признание государства. Да и миграция не «трансплантирует» право, а скорее делает его предметом для новых интерпретаций в новом контексте. В результате юридическая система демонстрирует «гибридные структуры и содержание», как, например, «*angrezi sharia*» («английский шариат») — постмодернистский ответ на юридический модернизм⁵.

Как подчеркивается мусульманскими правоведами, основная цель использования «адаптированных» норм мусульманского права в немусульманских странах заключается, в первую очередь, в создании условий для сохранения мусульманской веры самими иммигрантами в западных странах, где, по их мнению, существует слишком много соблазнов для её ослабления и даже утраты⁶. То есть фактически речь идёт о сохранении мусульманами своей культурной, религиозной и цивилизационной идентичности. Такое понимание глобализации предполагает, что этнический фактор утрачивает свое значение во внутренней и международной политике, что доминирующее значение приобретают новые идентичности и новые системы ценностей, разрушающие прежние культурные границы.

Как пишет Л. Р. Сюкияйнен, «с наступлением нового тысячелетия практика современного исламского права вновь оказывается востребованной на Западе», имея ввиду то, что целый ряд институтов исламского предпринимательского права уже нашел признание в европейской

¹ MacEoin D. *Sharia Law or «One Law for all?»* London: The Cromwell Press Group, 2009.

² Показателен пример с вступившим в силу в 2007 г. в Великобритании законом, разрешающим усыновление детей однополыми парами (The Adoption and Children Act 2002). Уже в 2009 г. случай в Эдинбурге, когда ребенок матери, лишённой родительских прав, был передан на усыновление такой паре при наличии здоровых и желающих его забрать бабушки с дедушкой, вызвал большой резонанс в прессе. Закон, основанный на «равноправии» между однополыми и традиционными семьями не решает вопроса об этичности и праве детей, которые остаются уязвимыми. Согласно же законам шариата, в случае исчезновения обоих родителей, воспитание внуков берут на себя родители супруга.

³ Ashworth L. *Islamic arbitration of family law disputes in New Zealand. A dissertation submitted in partial fulfillment of the degree of Bachelor of Laws with Honours at the University of Otago, Dunedin, New Zealand. October, 2010. P. 13.*

⁴ Сюкияйнен Л. Р. *Ислам и мусульманские меньшинства в Европе: противостояние правовых культур* (http://iph.ras.ru/uplfile/smirnov/ishraq/3/36_suk.pdf).

⁵ Buchler A. *Islamic law in Europe? Legal pluralism and its limits in European family laws.* UK: Ashgate, 2012. P. 81.

⁶ Hadi, Abdul al-Hakim. *A Code of Practice for Muslims in the West. In accordance with the edicts of His Eminence Grand Ayatullah As-Sayyid Ali al-Husaini as-Seestani.* Translated by Sayyid Muhammad Rizvi. Edited by Najim al-Khafaji. London: Imam Ali Foundation, 2001.

правовой практике. «Практика современного исламского права подтверждает, что национальные правовые системы, для которых характерно позитивное взаимодействие исламской и европейской культур, могут успешно развиваться»¹.

Современные европейские мусульмане находятся в самом начале пути становления своей идентичности. «При этом религия, безусловно, становясь важным (если не главным) фактором самоопределения личности, способствует возникновению движений, цель которых — конструирование новых идентичностей»². Процесс формирования мусульманами в Европе своей новой «европейской идентичности» идёт сложно и в ближайшем будущем не станет легче, однако при этом существует немало конкретных успешных примеров.

По прогнозам, исламский фактор в будущем будет не только продолжать влиять на внутрен-

нее развитие и внешнюю политику Европы, но его значение ещё более возрастёт. Демографический спад в Европе и растущая потребность в труде иммигрантов, по-видимому, ещё более увеличат количество мусульман в европейских странах. По мере включения иммигрантов в политическую жизнь принимающих их европейских стран проблемы будут обостряться, так как ислам как маркер идентичности всё более становится заметным.

Взаимопроникновение культур происходило и ранее. Рычаги межцивилизационного воздействия вряд ли поддаются механическому управлению со стороны государства, особенно в условиях глобализации. Однако точное и своевременное определение происходящих процессов может позволить предотвратить возникновение конфликтных ситуаций.

Список литературы:

1. Гусейнов А. А. Возможно ли глобальное общество без глобального этоса? // Гуманитарная культура как фактор преобразования России. СПб.: ГПУ, 1998.
2. Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийского научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). М., 2011.
3. Крымский А. Е. История мусульманства. М., 2003.
4. Курбанов Р. В. Фикх мусульманских меньшинств Мусульманское законодательство в современном немусульманском мире (на примере стран Западной Европы и Северной Америки): монография / Под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. М.— Н. Новгород: ИД «Медина», 2011.
5. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью (<http://intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm>).
6. Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008.
7. Степанянц М. Т. Этноконфессиональные процессы в современной России: ислам // Неприкосновенный запас. 2002. № 6 (26). (<http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/mariett.html>).
8. Сюкияйнен Л. Р. Взаимодействие исламской и европейской правовых культур: современный опыт // Ежегодник либерально-юридической теории. 2009. № 2. С. 171–188.
9. Сюкияйнен Л. Р. Ислам и мусульманские меньшинства в Европе: противостояние правовых культур (http://iph.ras.ru/uplfile/smirnov/ishraq/3/36_suk.pdf).
10. Тишков В. А., Шабаев Ю. Б. Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов. М.: Изд-во Московского университета, 2011.
11. Ashworth L. Islamic arbitration of family law disputes in New Zealand. A dissertation submitted in partial fulfillment of the degree of Bachelor of Laws with Honours at the University of Otago, Dunedin, New Zealand. October, 2010.
12. Buchler A. Islamic law in Europe? Legal pluralism and its limits in European family laws. UK: Ashgate, 2012.

¹ Сюкияйнен Л. Р. Взаимодействие исламской и европейской правовых культур: современный опыт // Ежегодник либерально-юридической теории. 2009. № 2. С. 171–188.

² Руткевич Е. Д. Западная социология о перспективах религии // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 359.

13. Hadi, Abdul al-Hakim. A Code of Practice for Muslims in the West. In accordance with the edicts of His Eminence Grand Ayatullah As-Sayyid Ali al-Husaini as-Seestani. Translated by Sayyid Muhammad Rizvi. Edited by Najim al-Khafaji. London: Imam Ali Foundation, 2001.
14. Islam, Europe's second religion: the new social, cultural and political landscape. Edited by Hunter S. T. Washington: Praeger publishers, 2002.
15. Kymlicka W. Multicultural odysseys. Navigating the New International politics of diversity. New York: Oxford University Press, 2007.
16. Klausen J. The Islamic challenge: politics and religion in Western Europe. New York: Oxford University Press, 2007.
17. Levey G.B., Modood T. Secularism, religion and multicultural citizenship. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
18. MacEoin D. Sharia Law or «One Law for all?» London: The Cromwell Press Group, 2009.
19. Multiculturalism, Muslims and citizenship: a European approach.— Edited by Modood T., Triandafyllidou A. and Zapata-Barrero R. London, New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2006.
20. Muslim Britain: Communities under Pressure. Edited by Abbas T. London, 2005.

References (transliteration):

1. Guseinov A. A. Vozmozhno li global'noe obshchestvo bez global'nogo etosa? // Gumanitarnaya kul'tura kak faktor preobrazovaniya Rossii. SPb.: GPU, 1998.
2. Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza. Sbornik statei po itogam Vserossiiskogo nauchno-teoreticheskoi konferentsii (IMEMO RAN, 21–22 oktyabrya 2010 g.). M., 2011.
3. Krymskii A. E. Istoriya musul'manstva. M., 2003.
4. Kurbanov R. V. Fikkh musul'manskikh men'shinstv Musul'manskoe zakonodatel'stvo v sovremennom nemusul'manskom mire (na primere stran Zapadnoi Evropy i Severnoi Ameriki): monografiya / Pod obshch. red. D. V. Mukhetdinova. M.— N. Novgorod: ID «Medina», 2011.
5. Malakhov V. S. Neudobstva s identichnost'yu (<http://intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm>).
6. Religiya v samosoznanii naroda (religiozniy faktor v identifikatsionnykh protsessakh) / Otv. red. M. P. Mchedlov. M.: Institut sotsiologii RAN, 2008.
7. Stepanyants M. T. Etnokonfessional'nye protsessy v sovremennoi Rossii: islam // Neprikosnovennyi zapas. 2002. № 6 (26). (<http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/mariett.html>).
8. Syukiyainen L. R. Vzaimodeistvie islamskoi i evropeiskoi pravovykh kul'tur: sovremenniy opyt // Ezhegodnik liberal'no-yuridicheskoi teorii. 2009. № 2. С. 171–188.
9. Syukiyainen L. R. Islam i musul'manskie men'shinstva v Evrope: protivostoyanie pravovykh kul'tur (http://iph.ras.ru/uplfile/smirnov/ishraq/3/36_suk.pdf).
10. Tishkov V. A., Shabaev Yu. B. Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti: uchebnyy dlya vuzov. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2011.